

О.Б. Степанова*

КЛАССИФИКАЦИЯ СОСТОЯНИЙ ОГНЯ И РЕЖИМЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Статья посвящена изучению режимов использования огня в системе жизнеобеспечения северных селькупов – арктического народа, расселенного в зоне лесотундры и тайги, для которого огонь является одной из основ жизнедеятельности, а также поиску специфических отличий в использовании огня у селькупов и других народов Арктики, проживающих в зоне тундры. Автор предлагает четыре классификации режимов использования огня и приходит к выводу о том, что эти режимы зависели от назначения применения огня, устройства, в котором он разводился, и материала, служащего ему топливом. Отсутствие дефицита дров и их всепогодная доступность отличали в использовании огня селькупов, населяющих тайгу и лесотундру, от других народов, кочующих по арктическим тундрам.

Ключевые слова: северные селькупы, Арктика, система жизнеобеспечения, энергетические режимы, огонь, дым

Fire and the modes of its use in the life support system of the Northern Selkups. OLGA B. STEPANOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the modes of use of fire in the life support system of the northern Selkups – the Arctic people settled in the forest-tundra and taiga zones, as well as the search for specific differences in the use of fire among the Selkups and other peoples of the Arctic living in the tundra zone. The author proposes four classifications of the modes of using fire and comes to the conclusion that these modes depended on the purpose of the use of fire, the device in which it was made, and the material that served as its fuel. The abundance of firewood and its all-season availability distinguished the use of fire by Selkups, who inhabit the taiga and forest-tundra, from that of nomadic peoples of Arctic tundra.

Keywords: Northern Selkups, Arctic, life support system, energy regimes, fire, smoke

Использование огня – ключевой фактор, определяющий саму возможность жизни человека в суровых природно-климатических условиях Крайнего Севера. Цель данной статьи – выявить специфические черты режимов

использования огня у одного из коренных малочисленных народов Арктики – северных селькупов, рассматривая их в контекст природных условий, от которых они зависели и к которым были приспособлены. Традиционно селькупы

* СТЕПАНОВА Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: stepanova67@mail.ru

© Степанова О.Б., 2022

вели кочевой образ жизни, но в отличие от народов тундровой арктической полосы кочевали в зоне тайги и лесотундры. Селькупская экономика относилась к другому хозяйственно-культурному типу, а обращение селькупов с ресурсами огня отличалось от обращения с огнем у тундровых народов.

Изучение опыта выживания в суровой природно-климатической среде, веками накопленного коренными народами Крайнего Севера, представляется актуальным в контексте выработки современных стратегий развития Арктики, подбора методов технологической помощи нынешнему населению региона. Данное исследование также призвано содействовать сохранению традиционной культуры селькупов и поиску ими новых форм этничности, развитию селькупской этнографии и сибиреведения.

Проблеме режимов/способов использования огня у северных селькупов до настоящего времени не было посвящено отдельных исследований. Подход, близкий к реализованному в данной работе, имеется в трудах археолога-археоботаника Ореад Анри [13; 14; 15]: она изучает способы управления древесным топливом у тундровых и лесных групп неолитического населения Евразии, в частности – вопросы использования им гнилой древесины, исследует действия доисторического человека Севера в условиях дефицита древесины и в связи с пожарами. Данная статья основана на полевых материалах автора, собранных в ряде экспедиций к северным селькупам. Отдельные сведения были также почерпнуты из публикаций К. Доннера [1], П.Е. Островских [3], Е.Д. Прокофьевой [5; 6], Г.И. Пелих [4], Л.В. Хомич, С.И. Ирикова, Г.Е. Аюповой [12], посвященных традиционной и современной культуре селькупов.

Для более четкого понимания описания режимов использования огня в традиционной системе жизнеобеспечения селькупов автором было разработано несколько классификаций. Согласно первой из них, огонь разделяется на четыре известные селькупам физических формы: открытый огонь (пламя), тление (в углях и золе, сырой древесине и др.), дым и молния. Каждое из состояний огня применяется в соответствующих назначению случаях; молнию селькупы осмысливают мифологически и стараются избегать ее воздействия.

В основу второй классификации использования селькупам огня положен критерий его назначения. Селькупы применяют огонь для обо-

грева и освещения жилища или места дорожной стоянки, приготовления пищи (методами нагревания/топления, варения, жаренья, печения и копчения), курения табака, выковывания железа. Огонь спасает селькупов и их оленей от гнуса и комаров (посредством дымокуров), на огне селькупы варят рыбный клей и вываривают бересту для покрышек летних чумов, обжигают лодки-долбенки во время изготовления, обрабатывают шкуры дымом при их выделке. В народной медицине огонь находит применение в очистительном медицинском окуривании или лечебном запаривании кипятком (лекарственных растений или муравейников). В энергетическом арсенале селькупов имеется магический огонь, он выступает средством связи с потусторонним миром, способом принесения жертв духам и методом доведения до нужной кондиции (путем нагревания над костром) шаманского бубна во время шаманского камлания.

Классифицировать огонь можно также по устройствам и техническим приспособлениям, которые используют селькупы для получения нужного им режима горения: костер в жилище или вне его (с включенными в него конструктивными элементами – рожнами (чопсами), палкой или крюком для подвешивания котла, отверстием в чуме для выхода дыма, плахами, ограждающими костер по периметру, укрепляемыми в стороне над костром перекладинами для сушки предметов и т.д.), чувал, печка-буржуйка, хлебная печь, олений дымокур, дымокур очистительный или отгоняющий комаров от человека, коптильня, курительная трубка и т.д. Каждое из этих устройств или приспособлений, в свою очередь, имеет несколько разновидностей.

Характеризуя классификацию огня по видам используемого топлива, следует назвать в первую очередь огонь, выделяемый дровами (большими и маленькими поленьями, дровами сухими и сырыми, свежими и гнилыми или из собранного валежника/сухостоя, сосновыми и березовыми) и разжигаемый с помощью бересты, щепок или древесной стружки. Реже топливом для огня служит болотный мох (в оленьих дымокурах), олений мех (в очистительных дымокурах), животный жир (главным образом олений или лосиный). Возможно, селькупам было также известно такое топливо, как каменный уголь. Это не кажется удивительным, если иметь в виду, что жители Таймыра, не столь далекого от ареала проживания северных сель-

купов, с которыми селькупы могли и должны были встречаться на линии Енисея, к примеру, на туруханской ярмарке или на пути к ней, используют в качестве топлива уголь местных таймырских месторождений. В селькупской мифологической картине мира живущие на небе божественные кузнецы – обладатели запасов каменного угля, в мировоззрении селькупов зафиксировано представление о том, что «в каждом камне есть огонь». Это представление, возможно, обязано своим происхождением знакомству селькупов с каменным углем, но, более вероятно, что оно родилось из обыденного добывания огня из камня – кремня, с помощью которого высекалась искра в оселке/огниве и воспламеняла трут (еще один маленький, но важный вид топлива). К новым видам используемого селькупами топлива нужно отнести мусор, бензин, газ, солярку, дизельное топливо и мазут, на котором работают современные технические средства, вошедшие в селькупский быт. Не следует забывать, что одно из основных селькупских хозяйственных занятий – охота, поэтому топливом, если его можно так назвать, которое селькупы несколько веков применяли в охотничьих кремневых ружьях, был порох.

Рассмотрим подробнее режимы использования огня селькупами. Их описание не будет таким же «линейным», как в классификациях, поскольку на практике способы применения огня существуют исключительно в комбинациях и сочетаниях.

Основным «устройством» для огня у селькупов в течение многих веков был костер, сегодня границы его хозяйственного распространения сузились, но все равно остались достаточно широкими. Костер в селькупском жилище – чуме – разводился в центре круга, образуемого стенками чума (чуть ближе к противоположной входу стенке), под остающимся открытым дымовым отверстием. Костер служил для обогрева чума, на нем кипятили воду и готовили пищу.

Костер нуждался в топливе, поэтому место, где располагались селькупские сезонные промысловые стоянки, должно было обладать запасом дров. Селькупы, проживающие в полосе лесотундры, самые холодные зимние дни пережидали в устьях маленьких ручьев, где росли карликовые березы, а также имелся древостой из сосны и лиственницы – топливо, которое позволяло поддерживать в их жилищах костер. Отправляясь на промысел в тундру, селькупы возили дрова с собой, чтобы в любой момент

можно было растопить снег и получить воду [1, с. 94]. В зоне тайги наличие дров на сезонной стоянке было естественным, недостатка в древесине селькупы, живущие здесь, не испытывали.

Проблема обеспечения дровами была актуальной во время селькупских зимних поездок по лесотундре или через большие болота в зоне тайги (их селькупы тоже называют тундрами). Выбор места, где имелась древесина для дров, и их подготовка – первые и главные действия, которые совершались при остановке путешественников на ночевку. Финский исследователь Кай Доннер, совершивший совместно с селькупами поездку с Енисея по Тазу на Вах зимой 1913 г., оставил подробное описание обустройства путевой стоянки селькупов, каслающих с чумом: «Ближе к вечеру мы находим холм, где растет олений мох и можно раздобыть дрова. Пока ждем остальных, определяем и готовим место, куда на ночь можно поставить чум. На широких лыжах мы сгребаем в сторону снег до тех пор, пока не покажется земля. В то время как одни распрягают оленей и выстраивают нарты кругом, другие занимаются подготовкой топлива. Когда подтягиваются все остальные, устанавливаются шесты для чума, на которые натягиваются “стенки” – дубленые олени шкуры, на самый верх около отверстия для прохода дыма и света размещают старые мешки и тому подобное¹. Когда чум готов, женщины² разводят быстро в нем небольшой костер, а мы сгребем снег к наружной стене чума для защиты от холода и снега. Затем в жилище заносят детей и домашнюю утварь, кругом расстилают меховые шкуры, служащие одновременно стульями и кроватями» [1, с. 102].

При переездах в зимнее время без чума селькупы придерживались той же стратегии – место стоянки обязательно оборудовалось костром. Доннер, которому довелось испробовать все способы передвижений с селькупами, пишет:

¹ Отверстие чума для выхода дыма селькупы обычно обкладывают отдельным, отличным от остальных покрышек материалом – закопченным, рваным куском покрышки из старого «комплекта», так как в этом месте на покрытии оседает особенно много сажи.

² В отношении действий, связанных с огнем, у селькупов существовало гендерное разделение обязанностей: заготовка дров была мужским делом, а разведение, поддержание огня и приготовление пищи – женским.

«Второго февраля мы отправились в путь. Термометр по-прежнему показывал -50° С, олени сильно ослабли от постоянного холода и трудной дороги. В первый день мы проехали немного, на привал остановились в довольно большом лесу, где было много мха для оленей и дров для людей, развели большой костер, но все равно было очень холодно. Ночью мы не могли спать, т.к. нужно было постоянно следить за тем, чтобы не отморозить себе руки и ноги [1, с. 98]; «Остановились у небольшого холма, поросшего редкими соснами и березами. Здесь мы распрягли оленей и развели костер. Низенький заслон из веток и снега и небольшой костерок служили единственной защитой от холода и ледяного ветра. Перекусив холодной рыбой, мы расстелили олени шкуры прямо на снегу и легли спать, плотно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее в шестидесятиградусный мороз» [1, с. 97].

В своих записях Доннер часто подчеркивает, что без костра жизнь на Севере была бы невозможна: «Поблизости не было деревьев, и нам приходилось каждый день преодолевать несколько километров на лыжах в поисках карликовых берез, скудно растущих на побережье. Из их веток мы делали костер и поддерживали его весь день, иначе я не мог бы работать, да что там работать, я не мог бы вообще существовать, настолько невыносимо холодно было здесь» [1, с. 96]; «Утром все просыпаются от жуткого холода, будят женщин, разводят костер, и вскоре в жилище становится тепло. Разумеется, температура воздуха здесь не превышает нуля, однако разница между температурой на улице и внутри все же ощутима» [1, с. 103].

Костер не всегда спасал от холода – ночью он потухал, если никто в ущерб сна не брался его поддерживать, или его намеренно гасили из соображений безопасности. Однако только тогда, когда костер развести не было возможности, ситуация становилась по-настоящему экстремальной. «В другой раз нас застал такой сильный буран, – вспоминает К. Доннер, – что пришлось оставить оленей лежать на снегу, а самим сесть позади опрокинутых саней, скрепив ноги, натянув шкуры на руки и ноги, спрятав голову, и ждать, пока не стихнет. Нам нечем было развести костер, еды уже не осталось, вот в таком бедственном положении мы провели долгих двадцать четыре часа. Лечь на землю было нельзя, тогда бы мы просто медленно замерзли, о сне не могло быть и речи. ...

Я послушно выполнял распоряжения аборигенов, уверенный, что они лучше меня знают, как вести себя в подобной ситуации» [1, с. 90].

Костер не только обогревал селькупские жилища или место стоянки под открытым небом, но и освещал их: других источников искусственного освещения селькупы не применяли. Доннер описывает, как женщины в его присутствии в чуме шили при свете костра и звезд, светящих через дымовое отверстие чума.

Современные селькупы разводят костры главным образом летом, на открытом воздухе, рядом с жилищем; костры в чумах, как и сами чумы, практически вышли из употребления. Во время экспедиционной работы автору довелось видеть костер, горящий в чуме, всего один раз, в 2004 г., у хозяина-старика. Современные костры располагаются в зоне летней кухни, ограниченной оградой из жердей, или на песке какой-либо реки (в период летнего рыбного промысла или остановки на отдых во время путешествия по реке), на летних кострах селькупы варят еду людям и собакам. Как в старину, сбоку от костра наклонно к нему втыкается в землю палка с сучком (*чиппа*), на которую вешается котел³ или чайник⁴. Таким же способом – под углом – втыкают в землю над костром рожны – *чопсы* – для запекания рыбы. Рыба-*чопс* готовится, как шашлык, не на открытом огне, а над раскаленными углями. В золе потухшего костра, смешанной с горячим песком, выпекают традиционную селькупскую хлебную лепешку.

На костре не только готовят еду, он участвует в нескольких бытовых технологических процессах. Например, на нем варят необходимый в хозяйстве рыбий клей, когда-то вываривали берестяные тиски для покрытия летних чумов. При изготовлении *анды*, лодки-долбленки, залитую водой заготовку устанавливают на козлах над костром и пропаривают, поворачивая и медленно расширяя с помощью распорок [12, с. 99]. Вытесанные топором заготовки по-

³ По сведениям информантов, когда-то селькупы могли сварить уху на костре в берестяной посуде (Полевые материалы автор, далее – ПМА. 2021 г.).

⁴ Селькупы умеют очень быстро разжечь костер и вскипятить чайник. Однажды во время экспедиции автор шла на лодке по реке вместе с двумя проводниками-селькупками, во время остановки, пока она отсутствовала не более 10 минут, селькупы собрали дрова, разожгли костер и вскипятили небольшой чайник, которого хватило, чтобы заварить три порции супа быстрого приготовления.

лозьев для нартов загибают, распаривая над огнем предварительно вымоченную в воде переднюю часть [12, с. 54].

Интенсивность, силу пламени костра селькупы по необходимости регулируют: увеличивают, добавляя дров, и уменьшают, раздвигая горящие дрова или угли. Если чайник закипел, но нужно сохранить его горячим, его снимают с *чиппа* и ставят на край костра или сдвигают, поворачивая *чиппа* в сторону. Разводят огонь с помощью небольших кусочков бересты (ее специально для этих целей заготавливают в летний период года), щепок или заструженного полена. Дрова перед использованием селькупы подсушивают – заносят их в жилище заранее, за несколько часов до того, как положить в огонь, эта привычка уходит корнями в глубокое прошлое. Так же стара традиция привязывать маленьких детей к стенке жилища веревкой такой длины, чтобы они не смогли дотянуться до огня, упасть в него и обжечься, упоминания этого приспособления есть в записях Доннера, относящихся к началу XX в.

Традиционный тип зимнего жилища селькупов – землянки, которые они строили на одну-две зимы, в прошлом часто вместо костра обогревался другим устройством для горения огня – пристенным глиняным очагом-чувалом. Чувал имел коническую форму, суживаясь кверху в трубу, которая выходила наружу через отверстие в крыше дома. Он хорошо нагревал жилище, труба создавала тягу, позволяя гореть даже сырым дровам. Еда в чувале готовилась так же, как на костре, с помощью тех же приспособлений. Каркас чувала изготовлялся из жердей и прутьев, которые потом обмазывались глиной, дно чувала делали тоже глиняным или оставляли земляным. В фотоколлекции МАЭ, привезенной от туруханских селькупов Г.Н. Прокофьевым, есть фотография селькупского очага-чувала, сделанного, как гласит опись коллекции, из старой лодки-долбленки (МАЭ, колл. № И 1177-63).

К середине XX в. в быту селькупов появились железные печки-буржуйки, они постепенно заменили костер в селькупских жилых постройках. Печная труба выводится в дымовое отверстие чума, палатки или на крышу землянки, деревянного дома, это избавляет воздух в жилищах от изрядного количества дыма. Разогретое железо буржуйек отдает больше тепла в помещение и дольше его держит, когда огонь гаснет; использование печек сделало огонь в

жилище более безопасным. Сегодня буржуйки обогревают селькупские жилища и на лесных угодьях, и в некоторых поселках, на них растапливают снег для получения воды, готовят еду. Над печкой, как раньше над костром, сушат мокрые вещи, развешивая их на перекладинах, укрепленных под потолком. Печки ставят также на летних кухнях, которые оборудуются рядом с чумами, палатками и избушками. С появлением железных печек селькупы освоили новый способ приготовления пищи – жарение на масле.

До 1990-х гг. железные печки изготавливались селькупами самостоятельно методом сгибания из тонкого листового железа, которое продавалось в магазинах поселков. Эти печки были небольшими и легкими и перевозились в нартах вместе с другим имуществом. Позже стали использоваться печки фабричного изготовления из толстого железного листа, они выдавались кочевым селькупам по программам поддержки традиционного образа жизни, были большими и тяжелыми. Нередко селькупы самостоятельно модернизировали их, делая более удобными и используя электросварку, которая к тому времени тоже появилась в их хозяйствах (вместе с дизельными электростанциями, от которых она работала).

Появление у селькупов заводских, трудно транспортируемых, практически стационарных печек-буржоек совпало с сокращением селькупской мобильности и массовым строительством на лесных стойбищах деревянных домов русского типа. К домам быстро добавились русские сараи, где вместе с другим хозяйственным имуществом хранились дрова, и отдельные дровяники в виде навесов или просто полениц неоклотового кругляка, которые устраивались на стойбищах и в лесу – на дороге или на тропе близ того места, где происходила заготовка. То есть на снежный период года селькупы стали заготавливать дрова заранее, летом. Здесь уместно заметить, что проживание селькупов в зоне тайги и лесотундры и вытекающее из этого изобилие дров для огня отличало их от других народов Арктики, проживающих в тундре и постоянно испытывающих дефицит легкодоступного топлива.

Завершая разговор о печах, нужно сказать, что у северных селькупов автор дважды видела специальные печи для хлеба, размещавшиеся под открытым небом поблизости от жилища. Топились они дровами. В первом случае это была покрытая землей глинобитная печь (на

стойбище туруханских селькупов), во втором – две наполовину вкопанных в песок железных печки, одна из которых была сделана из железной бочки с вырезанным боком, другая – из корпуса электрического духового шкафа. Эти печки были зафиксированы автором на стойбище селькупов близ села Толька Пуровская. В этих печах выпекался русский дрожжевой хлеб – рядом с ними лежали железные формы для современной хлебной буханки. Глинобитные хлебные печи в прошлом бытовали у южных селькупов [10; 11], у кетов⁵. Подтвердить бытование хлебных печей у тазовских селькупов автору пока не удалось.

Самым активным образом в системе жизнеобеспечения селькупов применяются дымокуры – устройства для горения огня, где огонь находится в состояниях тления и дыма. Прежде всего дымокуры используются в оленеводстве. Селькупское (транспортное) оленеводство относится к таежному типу, вольный выпас оленей практикуется наряду с содержанием их в специальных сараях, внутри и вокруг которых устраиваются дымокуры (3–8 вокруг сарая и 1–2 внутри), отпугивающие от них мошку, оводов и комаров. Традиционный селькупский дымокур представляет собой костер, топливом для которого служат сухие и сырые толстые дрова-бревна и положенный на них сырой болотный мох, все вместе это медленно горит – тлеет, выпуская густой дым и отгоняя насекомых. Дымокуры окружаются оградой из жердей, чтобы олени не могли наступить в костер и обжечься. «В дымокуры, т.е. ограды из жердей, кладут два бревна, разводят из них костер, а потом притаскивают с ближайшего болота вырезанный кусок, брикет мохрого мха и укладывают сверху, чтобы от него шло больше дыма» (ПМА. 2021 г.). Чтобы в оленем сарае над дымокуром не загорелась крыша, ее в этом месте покрывают пластинами из кедровой коры, которая не горит и не скручивается с боков, как береста, или железным листом. Летом в период гнуса на каждом стойбище постоянно должен находиться кто-то из хозяев, чтобы поддерживать работу дымокуров.

Сегодня дымокуры все чаще стали делать из железных бочек, приспособив для этого бочки из-под горючего. Работы новых дымокуров хватает на большее количество часов. Вот как рассказывает об этом новшестве в своем хозяйстве один из оленеводов: «Бочка десять

лет назад появилась. Она намного лучше, конечно же, чем старые дымокуры. В бочке намного удобнее. Я могу бочку затарить, чтобы полная была, дровами – чурками, закидаю туда, ну, не большие, а вот такие средние, их больше накидаешь, и на двадцать четыре часа хватает. Будет тлеть. Накрыть его нужно. Не накрывать нельзя. Туда угли еще набивают: вот, внизу угли забиты. А от жары все равно деваться некуда, там тлеет, и дымит» (ПМА. 2021 г.). Дымокуры, устроенные в бочках, не гаснут, пока дрова в них полностью не сгорят: «Вот у меня брат с женой. Я, когда у них, дымокур ставлю. Мы раньше два дерева вот так клали, а они не горят, перегорают и потухают. Сейчас приспособили бочку. Чурки режу, режу, положу» (ПМА. 2021 г.). Еще одно преимущество дымокуров, сделанных из бочек, состоит в том, что они помогают решать мусорную проблему (относящуюся к разряду новых, так как раньше от жизнедеятельности селькупов мусора не оставалось): «В дымокурные бочки кидают весь мусор, который собирается на стойбище. Тут помойной ямы нет, туда только стекло и железо не кидают – то, что не горит. Метла у Николая Петровича – для того, чтобы шишки собирать, которые тоже бросают в дымокуры, шишки для оленей вредные, они на них наступают и ранят ноги, а потом заболевают копыткой» (ПМА. 2021 г.). В связи с использованием дымокуров селькупов очень беспокоит вопрос пожарной безопасности, пожар – стихия огня, которой они не могут управлять, а потому боятся и соблюдают меры предосторожности⁶: «А угли оттуда, из бочек, выкидываем и относим туда в воду, где озеро,

⁶ Каждый год на территории проживания селькупов происходят лесные пожары. В прошлом селькупы никак не могли им противостоять, известны случаи, когда сгорали целые стойбища. В наши дни тушением пожаров занимается служба МЧС района, которая мобилизует на тушение пожара нескольких мужчин близлежащего поселка, задействуя для этого вертолет. Маленькие поселки, такие как пос. Ратта в верховьях Таза, оборудуются широкой, огибающей зону поселка противопожарной полосой вырубленного леса. Горельники имеют в здешних местах очень долгий период восстановления, их обходят стороной звери, облетают птицы. Сгоревшие леса сокращают площадь селькупских промысловых угодий. Нередки бывают случаи, когда горят отдельные дома и гибнут люди; если дом загорается в сильный мороз, он полностью сгорает в считанные минуты, спасти кого-то в таком пожаре, как правило, не удается.

⁵ Фото кетских глинобитных хлебных печей см.: МАЭ, колл. № И 1268-160.

ручей, в места такие, чтобы пожар не случился. Возле воды где-нибудь найдешь там место, водой облил и все» (ПМА. 2021 г.).

Дымокуры разводят, чтобы отгонять кровососущих насекомых не только от оленей, но и от человека: «Летней порой тазик, заводской, такой с ручкой, у нас для дымокура. Песок ложим туда и дымокур ставим. Утром бабка вот так возле полога чума стоит и прутком гоняет, набираются комары в чум. Когда тазик с дымокуром ставим, они падают к земле, умирают комары, лежат. Так прогоняет» (ПМА. 2021 г.). Эффективный дымокур против летающих насекомых получается из гнилушки – куска гнилого дерева, пня: автор, бывая с селькупам на рыбалке, не раз в этом убеждалась.

В дыму тлеющего костра селькупы традиционно сушат и коптят рыбу, развешенную над ним на вешалах. Это может быть костер на летней кухне, в чуме или дымокур под отдельно стоящими вешалами. В наши дни коптильные дымокуры селькупы тоже делают из бочек изпод горючего: «Там бочка стоит, у которой с одной стороны окошко такое вырезано, это коптильня. Внизу костер разводится из небольших чурочек пихтовых. Рыбу, еще что-нибудь на сетку ложат – там сетка есть, или подвешивают» (ПМА. 2021 г.).

В технологию обработки оленьих и лосиных шкур, применяющихся в разных сферах селькупского хозяйства, входит этап, называемый дымлением. Для этого над небольшой ямкой в земле устанавливают сферическую конструкцию из согнутых ивовых прутьев и обкладывают ее выделанными (выскобленными) кожами. Под шкурами в земляной ямке разводится небольшой костер; чтобы он давал густой дым, в качестве дров используют сырые поленья лиственницы. После обработки дымом кожи становятся непромокаемыми.

Четвертой сферой применения дымокуров у селькупов была народная медицина: «Мать собирала траву какую-то и брала шерсть оленей и сжигала, с травой вместе, как дымокур делала и сажала нас над ним, чтобы мы не писались» (ПМА. 2021 г.); «Это раньше делали, когда болели, тетя Люда. Когда мы у нее жили, она постоянно делала – брала тазик, положила туда песок, ветку кедра, ветку сосны вроде, шерсть собачью туда же, оленью шерсть, олений жир или лосиный жир, кусочек жира этого и все. Поджигала и какие-то заговоры говорила, я не знаю» (ПМА. 2021 г.). Множество лекарствен-

ных средств селькупы изготавливают, заливая («запаривая») целебный продукт приготовленным на огне кипятком.

Как лекарство от солитера селькупы раньше использовали порох – еще одно топливо для огня, принимая его внутрь [1, с. 99]. Работающие на порохе кремневые ружья были крайне неэффективны, и в северной группе селькупов им чаще предпочитали лук. В своих записях Доннер излагает одно забавное наблюдение, сделанное им у южных селькупов во время посещения ярмарки в Напасе, которое говорит о степени несовершенства этого огнестрельного оружия: «Там на берегу нас приветствовала оглушительными салютами самоедская флотилия. Мы открыли ответный огонь, я из своего современного ружья, аборигены из старых кремневых охотничьих ружей, стволы которых были набиты порохом только до половины. Боясь разрыва ствола, при каждом выстреле все падали на дно каюты. Но все обошлось благополучно» [1, с. 38].

Издавна у селькупов было развито табакокурение. Продуктами горения табака, оседавшими на стенках чашечки курительной трубки, лечили больные зубы: «Она, мать, брала курево, вот это – махорку, у нее трубка была, и там набирался никотин. Никотин я ложил на зуб. И все проходило у меня» (ПМА. 2021 г.). Курили селькупы не только табак: «Грибом березовым дымокурят. Собирают этот гриб, разжигают и махру, махорку делают с ним» (ПМА. 2021 г.). Доннер пишет, что селькупы в отсутствие табака использовали вместо него измельченные сосновые шишки или березовые стружки, курение помогало заглушить чувство голода, когда у селькупов заканчивалась еда [1, с. 104].

С.И. Ириков описывает, как зажигая кусочек сухой бересты, который селькупы всегда носили с собой, они отпугивали медведя, если встречали его в лесу [12, с. 59].

Специфической сферой применения огня у селькупов было кузнечное ремесло, им владели еще далекие предки селькупов, кулайцы. «Хозяин чума занимался туземным кузнечным ремеслом. Все его инструменты состояли из топора, молотка, грубых самодельных клещей и “горна”. “Горно” изготавливалось из глины на земле у очага и имело вид “сдавленного с боков калача с дырой”. В эту дыру вставлялись маленькие меха, сделанные из оленьих шкур, с одной складкой, а внутрь помещались горячие угли. Роль наковальни, как правило, выполнял обух топора» [2, с. 176]. С по-

мощью этого набора инструментов селькупы выковывали ножи, наконечники стрел, копий, хореев, остроги, уды для самоловов, сверла, багры, подвески для шаманских костюмов и т.д. Сырье для кузнечного производства покупалось у русских: металлургия полного цикла, знакомая кулайцам, была селькупами позабыта. У селькупов не сложилось профессиональной касты кузнецов, кузнечеством занимался каждый мужчина-глава хозяйства. По сей день каждый селькупский хозяин может при необходимости выковать нож и другие простейшие железные изделия, используя костер, обух топора и молоток (ПИМА. 2018 г.).

Хозяйственная деятельность и социальные отношения любого народа обеспечиваются определенной идеологией, объясняющей устройство мира и действия человека. Огонь, как главнейший элемент системы жизнеобеспечения селькупов, был осмыслен ими мифологически⁷. Селькупские мифологические представления об огне породили еще один режим его использования – магический. Костер был непременным атрибутом в обрядах шаманского камлания «в светлом чуме», на нем грели бубен шамана, из огня к шаману приходили его духи-помощники, в огонь «нырял» шаман, отправляясь в путешествия по потустороннему миру. Огонь, костер, кострище представлялись входом в иной мир, каналом сообщения с миром духов и покойников. В погребальном обряде, ритуале жертвоприношения/кормления духов, жертвы часто передавались обитателям потустороннего мира путем сжигания. В некоторых семьях домашних духов кормили дымом. Сам огонь считался духом, поэтому полагалось приносить жертвы и ему. Мифологические представления об огне отразились на бытовом отношении к нему селькупов: «Огонь имеет тело, глаза. Дрова – это его еда. Огонь в доме надо подкармливать, он ест все, что и люди» [3, с. 289–290]. К огню следовало относиться с почтением, уважением, нельзя было бросать в огонь мусор, шевелить его железными предметами, обходить против солнца, было запрещено вешать над огнем «нечистые» предметы, например, женскую обувь и т.д. Считалось, что нарушение этих запретов может повлечь за собой несчастье, болезни. Запреты распространялись и на дрова – «пищу огня». Нельзя было бросать дрова в местах, где люди могут через них

перешагивать и этим их осквернять [5, с. 66]. В связи с огнем в мировоззрении селькупов сакральный статус придавался также солнцу и кузнецам.

Мифологически селькупы осмыслили также молнию – четвертую известную им форму огня, всячески избегаемую. Молния представлялась им огненной стрелой, которой солнце или небесное божество бьет в злых духов-*лозов*, выползающих из-под земли [4, с. 136]. В другом варианте гром и молнии виделись как результат скандала двух небесных божеств – старика и старухи (ПИМА. 2004 г.). Е.Д. Прокофьева сообщает, что раньше во время грозы селькупы выходили из своих жилищ и, защищая их от огненного гнева неба, размахивали берестяными флажками [6, с. 115].

Подводя итоги исследования традиционных режимов использования селькупами огня, нельзя не сказать, что в последние несколько десятилетий огонь стал вытесняться из традиционной селькупской системы жизнеобеспечения современным видом энергии – электричеством, получаемым с помощью двигателей внутреннего сгорания из новых видов топлива – газа, газоконденсата, бензина, солярки, керосина, мазута и др. «Виновниками» этого явления могут быть названы научно-технический прогресс и социальная политика государства в отношении коренных малочисленных народов Севера [9]. Государство с помощью всяческих льгот и преференций внедряет в быт и традиционную производственную деятельность селькупов технические средства, вырабатывающие электроэнергию, – дизельные минигенераторы, лодочные моторы, снегоходы, бензопилы, пилорамы, сварочные аппараты, автомобили и мотоциклы, скороморозильные и холодильные установки (ими оборудован рыболовный флот и склады агропредприятий, обеспечивающих селькупов работой и заработком) и т.д. Политика государства, направленная на поддержание традиционной жизнедеятельности таким способом, несомненно, улучшает качество жизни селькупов, но одновременно наносит удар по традиции, меняя исконный селькупский быт. Энергетическая сфера в лице традиционного огня подверглась основной атаке. Огонь выдержал удар, его не так просто заменить: на лесных угодьях и во многих домах в поселках им пользуются почти в прежних объемах, применяют для отопления и приготовления пищи. Государство посредством органов социальной защиты обеспечивает жи-

⁷ Селькупы имеют богатейшие мифологические представления об огне, они были описаны автором в ряде публикаций [7; 8 и др.].

вущих в таких домах одиноких стариков и инвалидов не каким-то новым источником энергии, но по-прежнему дровами. Думается, что «пока горит огонь», традиционная селькупская жизнедеятельность, основу которой он составляет, будет сохраняться.

Итак, в результате проведенного исследования были разработаны следующие классификации традиционных режимов применения огня у северных селькупов:

– по физическому состоянию/форме огня (пламя, тление, дым);

– по назначению и применению огня в различных сферах жизнедеятельности (для обогрева и освещения жилища и стоянки под открытым небом, приготовления кипятка и пищи, для избавления от кровососущих насекомых, при изготовлении лодок и обработке шкур, в народной медицине, табакокурении, кузнечном деле, магических обрядах и т.д.);

– по виду устройства, в котором разводится огонь (костер, чувал, печка-буржуйка, хлебная печь, дымокур, кузнечный горн и пр.);

– по виду, количеству и качеству топлива для огня (дрова из разных пород деревьев, сухие и сырые, большие «бревна» и маленькие «чурочки», валежник и поленья из свежераспиленного дерева, уголь, болотный мох, береста, щепки, заструженное полено, олений мех, олений и лосиный жир, порох, мусор, табак, свежие и высушенные лекарственные травы и т.д.).

Таким образом, до наступления эпохи научно-технического прогресса и принятия постсоветским государством стратегии социальной поддержки коренных малочисленных народов Севера огонь был у селькупов главным и ничем не заменимым энергетическим ресурсом, обеспечивающим широкий круг бытовых и производственных потребностей. Возможность жизни в Арктике, традиционная селькупская система жизнеобеспечения целиком зависели от огня, огонь применялся во всех сферах селькупской жизнедеятельности, включая идеологическую. Изобилие дров в местах проживания селькупов – зоне тайги и лесотундры – отличало их в части режимов использования огня от других народов Арктики, испытывавших дефицит легко и повсеместно доступного топлива.

В постсоветскую эпоху благодаря научно-технической революции и социальной помощи государства селькупы, не отказываясь от огня, стали активно пользоваться новыми источниками энергии. Значение огня в их жизни

несколько уменьшилось. Однако на лесных угодьях и в селькупских поселках сохраняются многие традиционные способы использования огня и топлива. Новшества, изменения, пришедшие в энергетические режимы селькупов, сделали их жизнь более комфортной и защищенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Ветер, 2008.
2. Островских П.Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце 19 в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.
3. Мифология селькупов. Томск: ТГУ, 2004.
4. Пелих Г.И. К истории селькупского шаманства (по материалам солярного культа) // Труды ТГУ. Т. 167. Томск: ТГУ, 1964. С. 132–144.
5. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
6. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
7. Степанова О.Б. «Огненная» ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XV. Томск: Ветер, 2008. С. 218–226.
8. Степанова О.Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 52–55.
9. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 349–444.
10. Тучков А.Г. Мука и хлеб в культуре селькупов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4. С. 99–108.
11. Тучкова Н.А. Селькупы. Материальная культура. Пища и домашняя утварь // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 347–350.
12. Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб.: Просвещение, 2002.
13. Henry, A. and Théry-Parisot, I., 2014. Fuel management during the Mesolithic: current research in archaeobotany. In: Henry, A. et al. eds., 2014. Techniques and territories: new insights into Mesolithic cultures. Proceedings of the round

table, November 22–23, 2012. P@lethnology, no. 6, pp. 65–83.

14. Henry, A. and Théry-Parisot, I., 2014. From Evenk campfires to prehistoric hearths: charcoal analysis as a tool for identifying the use of rotten wood as fuel. *Journal of Archaeological Science*, Vol. 52, pp. 321–336.

15. Henry, A., Zavadskaya, E., Alix, C., Kurovskaya, E. and Beyries, S., 2018. Ethnoarchaeology of fuel use in northern forests: towards a better characterization of prehistoric fire-related activities. *Ethnoarchaeology*, Vol. 10, no. 2, pp. 99–120.

REFERENCES

1. Donner, K., 2008. U samoedov Sibiri [Among the Samoyed in Siberia]. Tomsk: Veter. (in Russ.)

2. Ostrovskikh, P.E., 1931. Baishenskie ostyaki (ostyako-samoedy) Turukhanskogo kraja v kontse 19 v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of Turukhansk Territory at the end of the 19th century], *Sovetskii Sever*, no. 7–8, pp. 161–181. (in Russ.)

3. Mifologiya sel'kupov [Selkup mythology]. Tomsk: TSU, 2004. (in Russ.)

4. Pelikh, G.I., 1964. K istorii sel'kupskogo shamanstva (po materialam solyarnogo kul'ta) [To the history of Selkup shamanism (based on the materials of the solar cult)]. In: *Trudy TGU*. T. 167. Tomsk: TSU, 1964, pp. 132–144. (in Russ.)

5. Prokofieva, E.D., 1977. Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkups]. In: *Sbornik MAE*. T. 33. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 66–79. (in Russ.)

6. Prokofieva, E.D., 1976. Starye predstavleniya sel'kupov o mire [Old ideas of the Selkups about the world]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa*. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 106–128. (in Russ.)

7. Stepanova, O.B., 2008. «Ognennaya» ipostas' materi-praroditel'nitsy sel'kupov [Fire hypostasis of the mother-ancestor of the Selkups]. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. T. XV. Tomsk: Veter, 2008, pp. 218–226. (in Russ.)

8. Stepanova, O.B., 2006. Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskom obraze

sel'kupov [Evil or kind: to the issue of the main mythological figure of the Selkups], *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 8, pp. 52–55. (in Russ.)

9. Stepanova, O.B., 2017. Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korenym malochislennym narodam Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state towards the indigenous peoples of the North at the beginning of the XXI century (the case of the northern Selkups)]. In: *Sotsial'nye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri*. Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2017, pp. 349–444. (in Russ.)

10. Tuchkov, A.G., 2015. Muka i khleb v kul'ture sel'kupov [Flour and bread in the culture of the Selkups], *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, no. 4, pp. 99–108. (in Russ.)

11. Tuchkova, N.A., 2005. Sel'kupy. Material'naya kul'tura. Pishcha i domashnyaya utvar' [Selkups. Material culture. Food and household utensils]. In: *Narody Zapadnoi Sibiri*. Moskva: Nauka, 2005, pp. 347–350. (in Russ.)

12. Khomich, L.V., Irikov, S.I. and Ayupova, G.E., 2002. Tazovskie sel'kupy. Ocherki traditsionnoi kul'tury [Taz Selkups. Essays on traditional culture]. Sankt-Peterburg: Prosveshchenie. (in Russ.)

13. Henry, A. and Théry-Parisot, I., 2014. Fuel management during the Mesolithic: current research in archaeobotany. In: Henry, A. et al. eds., 2014. *Techniques and territories: new insights into Mesolithic cultures. Proceedings of the round table, November 22–23, 2012*. P@lethnology, no. 6, pp. 65–83.

14. Henry, A. and Théry-Parisot, I., 2014. From Evenk campfires to prehistoric hearths: charcoal analysis as a tool for identifying the use of rotten wood as fuel. *Journal of Archaeological Science*, Vol. 52, pp. 321–336.

15. Henry, A., Zavadskaya, E., Alix, C., Kurovskaya, E. and Beyries, S., 2018. Ethnoarchaeology of fuel use in northern forests: towards a better characterization of prehistoric fire-related activities. *Ethnoarchaeology*, Vol. 10, no. 2, pp. 99–120.